

Зерна веры в эмиграции

Под звездой Богородицы 2017

Зерна веры в эмиграции

Недавно Благовещенск стал свидетелем двух событий духовного масштаба. В кафедральном соборе на Релочном в минувшие выходные впервые прошла литургия, во время которой причащались из одной чаши представители Русской и Зарубежной православной церкви.

Приезд группы паломников [из Женевы на Амур](#) по приглашению архиепископа Благовещенского и Тындинского Гавриила совпал с прибытием в областной центр крестного хода Владивосток - Москва. Крестный ход посвящен воссоединению Русской православной церкви. Отдохнув и приняв участие в богослужениях, крестоходцы в понедельник отправились в Свободный. Паломники из Женевы покинули Благовещенск во вторник. Накануне они встретились с журналистами и рассказали о том, как эмигрантам и их потомкам удалось в иноязычной среде сохранить язык и православную веру.

Владыка Михаил: «Чудо Божие в мировом масштабе»

Владыка Михаил (Донсков), епископ Женевский и Западно-Европейский, родился в Париже, в семье донского казака. Образование получил во Франции, окончил также 10-классную русскую школу А. М. Осоргиной. С семи лет прислуживал в алтаре в храме. Воссоединение Русской церкви, которое произошло 17 мая, владыка Михаил оценивает как «чудо Божие в мировом масштабе». Ведь русские православные приходы разбросаны по всему земному шару.

- То, что произошло, очень долго готовилось, - говорит владыка. - Зарубежная церковь существовала, потому что после 1917 года почти полмиллиона людей выехало за границу со своим духовенством. И под временным управлением церковь устроилась за границей. И молилась с самого начала о том, что когда-нибудь Русская церковь восстановится как единый организм.

После перестройки, когда произошли сдвиги в самой России, стало ясно, что нужно приступить к восстановлению церковного единства. Кардинальным шагом к этому процессу владыка Михаил назвал путешествие по России святых мощей великомученицы Елисаветы и инокини Варвары в 2004 году. В этом большом паломничестве по железной дороге, которое длилось почти год, принимал участие и сам владыка Михаил, тогда же он впервые побывал в Благовещенске. Правда, служить совместную литургию с представителями русского православия он тогда не имел права. Но это не помешало их взаимопониманию с архиепископом Гавриилом.

- Эта поездка показала, что есть готовность к воссоединению, - говорит епископ из Женевы. - Самое главное - это примирение. Нужно найти в сердце тот мир, который позволяет принять другого таким, какой он есть. В примирении есть и покаяние, и любовь, и прощение. Это великая радость, что мы можем вместе молиться и причащаться из одной чаши.

Рассказывая о своей епархии и прихожанах, владыка Михаил отметил, что Западно-Европейская епархия с центром в Женеве насчитывает около 50 лет. Она состоит из приходов, разбросанных по Западной Европе - они есть в Бельгии, Швейцарии, Голландии, Франции, Италии, Португалии. Епархия была создана сразу, когда создавалась зарубежная церковь, в 1921 году. Приходы создавались в это же время. Кроме того, в ряде стран уже были православные храмы, построенные русскими, в том числе и при посольствах. Но их не хватало, чтобы окормлять тот наплыв бывших россиян, который хлынул в Западную Европу.

- В Брюсселе жил Врангель, который вдохновлял и собирал вокруг себя русское общество, -

рассказывает владыка Михаил. - Нужен был духовный центр. И было решено его создать в память императора Николая II. И вот построили храм в память о царственных мучениках и всех новомучениках российских, хотя они не были еще прославлены. И на этот храм буквально по копейке собирали средства эмигранты, у которых ничего не было - дворяне, казаки, люди всех сословий. Храм был заложен до войны митрополитом Анастасием. Был завершен в 1950 году. Православные приходы создавались русскими в самых неожиданных местах, рассказал владыка. Например, в небольших альпийских долинах, куда и солнце не заглядывало. Там возникали первые фабрики алюминия, на которых предлагали работу русским беженцам. Генерал Кутепов с группой офицеров не только добывали алюминий, но и, обустроив быт, создали православный приход.

- Беженцы русские принимались во Франции не потому, что они беженцы - их брали для работы, на которую французы не хотели устраиваться, - пояснил владыка Михаил. - А дети беженцев получали образование и уезжали туда, где можно устроиться получше. Поэтому приходы не везде остались. В Женеве костяк прихожан составляют потомки не только русских эмигрантов, но и живших в царской России швейцарцев.

- Мало кто знает, что в России до революции было много швейцарцев, - продолжает владыка Михаил. - Они там жили, работали - еще со времен Наполеона. Но при этом они оставались швейцарцами. Когда они после революции вернулись на родину, то уже были православными по духу и ничем не отличались от русских. И они составили основу прихода в Женеве.

Владыка Михаил, встречаясь в Благовещенске с губернатором Приамурья Николаем Колесовым, рассказал о себе и своем пребывании в Приамурье и выразил надежду, что духовные контакты продолжатся.

Елизавета Остелецкая: «Во Франции много русских»

Вместе с владыкой Михаилом в Благовещенск приехали прихожанки из Женевы Елизавета Остелецкая и Жоэль Мнишек. Елизавета Николаевна с удовольствием рассказала о своих русских корнях: - Папа и мама были детьми, когда их родители покинули Россию. Дедушка - контр-адмирал Черноморского флота. Он ушел из Крыма, из Севастополя и остановился в тунисском порту Бизерта с Черноморским флотом, там 6000 человек было. Есть книга «Последняя стоянка», которую написала Анастасия Шевинская - как раз об этом. Жили с семьями, детьми на своих кораблях. Потом, когда не стало той России, они поехали во Францию на юг или в Париж. А со стороны мамы мои предки - кубанские казаки, мама родилась в Ставрополе. Но казачьих традиций у нас в семье не было - традиции были со стороны папы, морские.

- Сохранились ли у вас семейные реликвии?

- Нет. Дедушка с семьей уехал на корабле, и взять многого не мог. А остальные родственники в Петербурге умерли от тифа. В этом городе у нас был дворец на Фонтанке, 68. Сейчас там Центральный банк России.

- У вас нет желания вернуть собственность?

- Об этом я даже не думала. Дом принадлежал моему прадедушке, Султан Крым-Гирею, он был из крымских ханов. Прадед был сенатором и гвардии офицером Союза русских соколов. Когда я бывала в Петербурге, я видела это здание, обрушившееся наполовину. Было очень горько. Сейчас его, конечно, привели в порядок, да еще в какой! Ну еще бы, Центральный банк России!

- Когда вы в России, у вас есть ощущение, что вы вернулись домой?

- С 1989 года я стала приезжать в Россию часто. А первый раз я побывала здесь как турист, когда мне было 20 лет. Мы жили в Ленинграде, в гостинице «Астория». Ощущения, что я дома, не было - я не должна была никуда ходить одна, только в составе группы. Но постепенно, уже после 1989 года, пришло это ощущение. Тем более что все знакомо. Идешь по Невскому - вот дом Воронцовых, дом Белозерских, Кочубеев, Шереметевых. Это фамилии людей, знакомых с детства.

Елизавета Николаевна говорит, что сохранить русскую речь ей удалось благодаря бабушке. Дома говорили только по-русски.

- Я родилась на Лазурном берегу, около Ниццы, и до шести лет не знала, что бывает еще и французский язык, - рассказывает Елизавета Остелецкая. - И когда я пошла в школу, я там сидела и ничего не понимала. Вернулась домой, говорю: «Там какой-то странный язык». И мне дома ответили: «Привыкай, теперь все будет только на этом языке». К концу года я уже была самой успешной ученицей. Внучка контр-адмирала училась в Сорбонне, писала научную работу о постановке Станиславским пьесы Чехова «Чайка». Работала синхронным переводчиком в ООН (поэтому и оказалась в Женеве). Сейчас на пенсии. Владеет русским, французским, английским, немного говорит по-немецки, по-итальянски, по-испански и чуть-чуть по-арабски.

- В вашей семье вы говорите по-русски?

- Нет, мой муж - француз, и он языком не овладел, для него это оказалось трудно. Но он любит Россию, любит православие. Мои братья-сестры, а также их дети очень интересуются Россией, но им нужно приехать сюда, чтобы они смогли заговорить по-русски. Сейчас это, слава богу, возможно.

- Как вам удалось сохранить православие?

- Даже в Африке его сохранили наши родственники, которые выехали туда на работу. Хотя там на тысячи километров ни одного православного храма. А во Франции было и сейчас есть много русских людей. В моем детстве была русская школа, конечно же, мы отмечали и Пасху, и Рождество, ставили спектакли, пели песни. Традиции соблюдались неукоснительно. Папа в морском кадетском корпусе в Париже занимался морским собранием. 19 ноября празднуется день морского кадетского корпуса. И всегда было большой проблемой найти во Франции гуся, которого по русской традиции нужно было нафаршировать кашей. У нас была русская гимназия (теперь она закрылась). Я училась в русской консерватории имени Рахманинова в Париже. В столице Франции вполне можно было жить, как в России до революции. Иногда за весь день, живя в Париже, можно было ни слова не произнести по-французски. Концерты, театры, общение - все на русском.

- Эмигранты поддерживали друг друга?

- Да, без этого мы бы не выжили. У нас было сестричество, это была поддержка. Ведь независимо от того, кем наши родители были в России, во Франции все стали очень-очень бедными. Конечно, когда мы чуть-чуть «разбогатели», взаимопомощи стало меньше. Но в определенные моменты поддержка ощущается.

Говоря о своей семье, Елизавета Николаевна рассказывает о своей двоюродной бабушке Анастасии Гендриковой и показывает портрет красавицы в бальном платье, сделанный в 1915 году. Она была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Она добровольно

сопровождала царскую семью в Тобольск, затем царских детей в Екатеринбург. Анастасию Гендрикову арестовали в апреле 1918 года, потом перевели в тюрьму в Пермь. А в сентябре ее расстреляли, после того как Пермь была занята Белой армией. Останки ее были опознаны белогвардейцами, и ее похоронили в деревянной церкви на Ново-смоленском кладбище.

- О судьбе Анастасии Гендриковой узнала год назад, - говорит Елизавета Николаевна. - Хотя имя это я слышала с детства. Но мы не знали, что с ней случилось. Ведь часть эмигрантов поехала на Дальний Восток, и мы думали, может быть, и она там. Но оказалось не так.

- Какие трагические судьбы...

- У тех, кто остался в России, кровавых трагедий было не меньше.

Источник: [газета "Амурская правда"](#)